

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК. 94(571).066

РОЛЬ СИБИРСКОГО КОРПУСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОСВОЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1771–1796 гг.)

© **Станислав Валерьевич Андрейчук**

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия,
аспирант кафедры рекламы и культурологии, e-mail: panistan@mail.ru

Статья, основанная на материалах центральных и региональных архивов, посвящена малоизученному институту государственной власти в Западной Сибири последней трети XVIII в. – Сибирскому корпусу. Созданный в 1745 г., корпус исполнял широкий круг функций, которые не ограничивались лишь военными полномочиями. Под защитой сибирских войск шло активное сельскохозяйственное и промышленное освоение южного порубежья Западной Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; Сибирский корпус; легкие полевые команды; гарнизонные батальоны; драгунские полки; Е. Пугачев; сельскохозяйственное освоение; рудники и заводы.

Середина XVIII в. ознаменовалась обострением ситуации в Центральной Азии. В 1740–1750-х гг. Цинская империя вела завоевание Джунгарского ханства. Под прессингом китайских войск кочевники вынуждены были двигаться на север и запад, т. е. навстречу экспансии Российской империи, что не могло не вызвать беспокойства сибирских властей и центрального правительства.

По распоряжению Сената в 1745 г. в Сибирь был введен ряд драгунских и пехотных полков, которые организационно были сведены в Сибирский корпус, ставший особым органом военного управления в регионе. В ведении командира корпуса находились как регулярные, так и иррегулярные войска, дислоцировавшиеся на укрепленных сибирских линиях. К концу 1760-х гг. ситуация на южных границах Западной Сибири несколько стабилизировалась: сильное Джунгарское ханство было разрушено, Цины не проявляли большого интереса к региону, устоялась система пограничных укреплений.

Однако в 1771 г. 130 тыс. волжских калмыков, недовольных политикой российского правительства, перекочевывают на территорию бывшего Джунгарского ханства, где находят благосклонный прием со стороны манчжурской династии, объявившей их своими подданными. Это противоречило прежним договоренностям Китая с Россией [1]. Для

преследования бежавших калмыков в Оренбургской губернии на сбор 500 драгун ушло 3 месяца, а в Сибирском корпусе на сбор 2 эскадронов – 1 месяц. При этом регулярные войска, которые участвовали в погоне, были остановлены своими офицерами на полпути и возвращены на линии, т. к. командование опасалось уморить казенных лошадей без фуража, а людей – без провианта. Поэтому преследование продолжалось только силами казаков. Погоня не привела к сколь-либо значимым результатам [2]. Причины неудачи в погоне за бежавшими калмыками были всесторонне проанализированы Военной коллегией. Главной причиной неповоротливости было признано отсутствие на Оренбургской и Сибирской линиях запасных войск, которые могли бы выступить по первому требованию. В докладе также отмечалось, что командование Сибирского корпуса больше помышляло «о безопасности Сибирской линии нежели о преследовании калмык» [2].

Военная коллегия пришла к выводу о необходимости реформирования Сибирского корпуса. Следует отметить, что особенностью расположения частей Сибирского корпуса была «распыленность» войск малыми командами в большом количестве укреплений. Так, к 1760 г. в форпосте Семиарском и станце Подпускском находилось всего лишь по 4 яицких казака [3], к 1761 г. в маяке Ка-

мышловом стояли 4 донских казака [3, д. 96, л. 463-466]. Такое расположение войск было обычным для Сибири и значительно усложняло управление войсками. Еще в начале 1760-х гг. Екатерина II считала необходимым оптимизировать расположение войск Сибирского корпуса, для чего предписывалось сократить число укреплений и увеличить концентрацию войск в сохраняемых [4]. Но недостатки расположения войск малыми командами согласно кордонной стратегии так и не были решены вплоть до начала 1770-х гг.

Предложения Военной коллегии по формированию Сибирского корпуса были утверждены императрицей. Полевые войска в Сибири были разделены на 7 легких полевых команд, готовых выступить по первому требованию. Легкие полевые команды состояли из пехоты, конницы, егерей, артиллерии и располагались: 9-я – в Красноярске, 10-я – в Омской крепости, 11-я – Ямышевской, 12-я – Усть-Каменогорской, 14-я – в Петропавловской, 13-я – в Кузнецке и 15-я – в Селенгинске. В каждой команде насчитывалось 10 офицеров и 461 нижний чин [2].

Для лучшей защиты крепостей сибирских линий было также предписано увеличить число гарнизонных войск. В Сибири теперь находилось семь гарнизонных батальонов: в Тобольске – 3, Томске – 1, Иркутске – 1, Селенгинске – 2. К гарнизонным войскам были добавлены 5 линейных батальонов, и теперь они располагались в важнейших крепостях: Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской, Бийской, Кузнецкой, Петропавловской и Пресногорьковской. Гарнизонный батальон состоял из 4 рот строевых, 1 инвалидной роты и 1 роты мастеровых. Всего 772 нижних чина [2].

Легкие полевые команды и новые гарнизонные батальоны формировались из 8 драгунских полков, находившихся на Сибирской линии. В 8 драгунских и 1 карабинерном полку (расположенном в Иркутской губернии) насчитывалось 8702 человек. В 7 гарнизонных батальонах (также вместе с Иркутской губернией) – 5404 человек. Всего в Западной и Восточной Сибири, таким образом, находилось около 14 106 человек гарнизонных и полевых регулярных войск [2].

Следует отметить, что военные чины одновременно числились в составе полков и в

сформированных гарнизонных батальонах и легких полевых командах. Управление войсками корпуса в переходный период также затрудняла принадлежность гарнизонных войск ведению губернатора, а легких полевых команд и драгунских полков (из которых были сформированы, в т. ч. и новые гарнизонные батальоны) – командира Сибирского корпуса. Поэтому в 1772 г. полковое деление в Сибирском корпусе было упразднено [2, д. 177, л. 152, 414].

Основным событием в 1770-е гг. стало пугачевское восстание. Накануне восстания в составе Сибирского корпуса числились два пехотных полка (один – в Восточной Сибири) и 8 легких полевых команд (две – также в Восточной Сибири). В Западной Сибири в составе корпуса находились лишь шесть легких полевых команд (т. е. 2826 человек) и нерегулярные войска [5]. Кроме того, в регионе стояли гарнизонные войска. Для борьбы с войсками Е. Пугачева из Сибири были выведены все регулярные части.

28 октября по указу генерал-поручика И.А. Деколлонга, назначенного в 1773 г. командиром Сибирского корпуса, из Омской крепости в поход в Оренбургскую губернию выступила 10-я полевая легкая команда, имевшая в своем составе 511 человек и 156 лошадей. За день до того И.А. Деколлонг приказал бригадиру Суморокову выслать из крепости Святого Петра (Петропавловской) 3-фунтовый единорог со всеми положенными снарядами, припасами и артиллерийскими служителями. Единорог и 6 человек артиллерийских служителей были отправлены в Пресногорьковскую крепость, а затем в слободу Курталыжскую, где они должны были соединиться с войсками, двигавшимися из Тобольска и Ялуторовска [6].

Приказы о выступлении в поход получили все легкие полевые команды, находившиеся в Западной Сибири. Маршрут 11-й полевой легкой команды из Ямышевской крепости в крепость Св. Петра пролегал через Покровскую, Лебяжью и Полуденную крепости. По прибытии в Петропавловскую крепость она должна была составить резерв. Команда должна была быть ежеминутно готова выступить в Оренбургскую губернию на помощь главным силам. Уже 26 ноября приказ о немедленном выдвижении к Челябинску был получен [6]. 12-я команда в составе

520 человек выдвинулась из Усть-Каменогорской крепости к крепости Св. Петра. По приказу И.А. Деколонга от 29 января 1774 г., отправленному коменданту крепости бригадиру Суморокову, она по прибытии должна была спешить в Шадринскую слободу, а оттуда сразу выступить на Екатеринбург. 13–16 января 1774 г. 13-я легкая полевая команда выступила из Кузнецка в Семипалатную крепость [6]. Войска Сибирского корпуса, выступившие в Оренбургскую губернию, возглавил командир корпуса И.А. Деколонг. Командовать оставшимися на сибирских линиях линейными гарнизонными батальонами и иррегулярными войсками был назначен генерал-майор А.Д. Скалон.

В соответствии с секретным ордером генерал-майора А.Д. Скалона от 21 декабря 1773 г. из Усть-Каменогорска выступили в поход одна мушкетерская рота и егерская команда, а 23 декабря 1774 г. И.А. Деколонг потребовал от сибирского губернатора Д.И. Чичерина 1000 выписных казаков, т. к. до того у него была только пехота, которая не могла угнаться по горам за «башкирцами» [6, 7]. Всего к 15 февраля 1774 г. в борьбе с пугачевским выступлением приняли участие более 3 тыс. военных чинов Сибирского корпуса, располагавшихся на сибирских линиях (табл. 1).

В Оренбургскую губернию были отправлены также войска из Восточной Сибири – с Нерчинской и Селенгинской линий, в частности – Селенгинский пехотный полк в составе 1197 человек [7]. Таким образом, уча-

стие в боевых действиях принимали в основном регулярные войска. Причиной того, что участие казаков в подавлении бунта старались ограничить, были опасения в их ненадежности. В 1773–1775 гг. линейные и выписные казаки приняли активное участие в бунте, влившись в отряды Е. Пугачева. В 1773 г. из Полуденной крепости и близлежащих редутов бежали несколько казаков. Они ограбили и убили двух калмыков, забрали их лошадей. На допросах беглецы показали, что их целью было попасть в Тобольск и подговорить содержащихся там запорожцев бежать в Яицкое войско. Главным зачинщиком среди бежавших казаков был Василий Гноенко, который до того уже не раз подвергался наказаниям за воровство [6].

В связи с приближением к границам губернии основных сил Е. Пугачева началась интенсивная работа по подготовке к обороне. По указу сибирского губернатора Д.И. Чичерина начинается набор добровольцев, города и слободы укрепляются, существовал даже план поголовного вооружения населения. Но, как отмечалось выше, уже к концу 1773 г. большая часть выписных казаков, к которым причислялись и добровольцы, перешла на сторону Е. Пугачева [8].

К началу 1774 г. отряды Е. Пугачева проникают в Зауралье, где на территории Ялуторовского, Тюменского и Верхотурского уездов сложился повстанческий район [8]. В 1774 г. войскам под командованием генерал-поручика И.А. Деколонга удалось разгромить под Челябинском один из отрядов

Таблица 1

Количество чинов Сибирского корпуса, находившихся в расположении подразделений и в отлучках на 15 февраля 1774 г. (выдержки) [7]

	По списку	В отлучках и командировке на Оренбургскую линию	Имеется
Генерал-поручик	1	1	0
Генерал-майоров	2	1	1
Чинов легких полевых команд (10, 11, 12, 13, 14-я)	2775	2775	0
Чинов в пограничных батальонах (офицеры и нижние чины)	3783	244	3539
Артиллерия:			
Полевая	188	108	80
Гарнизонная	341	36	305
Нерегулярные войска:			
Казаки и старшины	2141	249	1892
Башкиры и татары	1140	0	1140
Итого	10514	3478	7036

бунтовщиков, но командир Сибирского корпуса принял решение не преследовать отряд, а двинуться на Шадринск, тем самым открывая дорогу пугачевцам на Екатеринбургские заводы. Несмотря на то, что это вызвало недовольство правительства, И.А. Деколонт остался во главе корпуса и 21 мая 1774 г. атаковал 10-тысячный отряд Е. Пугачева около села Троицка, причем нанес ему сильное поражение, отбив 28 орудий и освободив 3653 пленных. Эта победа закрыла Е. Пугачеву дорогу за Урал [9].

События 1771 г. и 1773–1774 гг., направленные против государственной политики российского самодержавия, а также ряд внешнеполитических уроков и, прежде всего, война американских колоний за независимость послужили стимулом для начала ряда социальных и административных мероприятий [10]. К 1780 г. Сибирь была разделена на Тобольскую и Иркутскую губернии. В состав Тобольской губернии входили два наместничества: Тобольское и Енисейское. Учрежденная в 1779 г. Колыванская область вместе с Иркутским наместничеством входили в состав «пограничной» Иркутской губернии [8]. Колыванская область в 1783 г. включала в себя пять уездов – Колыванский, Семипалатинский, Бийский, Кузнецкий и Абаканский [11].

Опыт применения легких полевых команд в боевых действиях был проанализирован Военной коллегией, и с 1777 г. в Сибирском корпусе восстанавливается полковое деление. В этом году по решению Военной коллегии сформирован Сибирский драгунский полк. Полк состоял из 10 эскадронов, ранее располагавшихся по 3 в Астрахани и в Сибири, 4 эскадрона были расквартированы в Оренбурге. Военная коллегия, «соображая обширность Сибирского края с небольшим числом войска, в тамошнем корпусе состоящего, заключает, что необходимо надобно тамо онаго умножить» и переводит все эти эскадроны в Сибирь [12].

После пугачевского восстания происходит окончательное разделение городских и крепостных казаков. Указом Сената от 9 июня 1777 г. запрещалось командировать городских казаков на линии. В сибирских городах к этому времени оставалось 752 городских казака, 794 человека находилось на границе. В 1787 г. линейные казаки были разделены на 24 сотни [13, 14]. Можно сделать вывод,

что их численность по-прежнему составляла около 2400 человек. Деление на сотни было довольно условным. В сотню могло входить от 76 до 153 человек. При этом 2/3 от этого числа находились на Колывано-Кузнецкой и Иртышской линиях [2, д. 79, л. 1, 1об., 2об.].

В 1780 г. на западносибирских линиях находилось 6 гарнизонных батальонов. Численность военных чинов батальона составляла 804 человек. Вместе с капельмейстерами, габоистами и 2 гарнизонными аудиторами, находившимися в Омской крепости, общая численность гарнизонов в южно-сибирских крепостях составляла 4870 человек [3, д. 222, л. 26, 26об.].

По расписанию конницы русской армии от 28 июня 1783 г. на юге Западной Сибири находился Сибирский драгунский полк, состоявший из 10 эскадронов [15]. В 1784 г. был сформирован Иркутский драгунский полк [16]. К 1786 г. в составе Сибирского корпуса значатся: Сибирский, Иркутский драгунские, Ширванский пехотный полки, 1-й и 2-й егерские батальоны, Екатеринбургский, Семипалатинский, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й полевые батальоны, а также казаки [5]. До 1790-х гг. состав Сибирского корпуса не изменялся. Военные команды располагались по усмотрению корпусного командира и по согласованию с гражданским начальством [5, д. 336, л. 7об.].

В Сибири остро ощущался недостаток войск. На 1 января 1794 г. во всей Сибири числилось не менее 24 672 человек регулярных воинских чинов, включая заводские батальоны и артиллерийские команды, которые не входили в состав корпуса. За вычетом этих войск, списочная численность Сибирского корпуса составляла всего 12 932 человека, при этом к концу царствования Екатерины II некомплект в российской армии составлял не менее пятой части [17, 18].

Данные о численности линейного казачества в середине 1790-х гг. несколько расходятся. Полный список старшин и казаков Сибирского казачьего войска в 1793 г. содержал данные о 37 офицерах и 2745 пятидесятниках, десятниках, капралах и рядовых казаках [19]. По мнению Ю.Г. Недбая, в 1795 г. на линиях насчитывалось 2624–2887 казаков [14]. В записке генерал-лейтенанта Г.Г. Штрэндмана значится, что в 1795 г. на сибирских линиях находилось 3246 человек.

казаков и 1881 человек малолетних казачьих детей, не включенных в службу [2, д. 92, л. 1].

В 1770–1780-е гг. значение Сибирского корпуса оставалось по-прежнему высоким для хозяйственного развития региона. К началу 1770-х гг. переселение крестьян на южные рубежи Западной Сибири стало носить несколько иной характер, чем это было прежде. Увеличение численности войск и снижение опасности вторжения кочевых народов привело к усилению стабильности в регионе, что позволяло вести нормальное освоение пахотных земель. В Западной Сибири росла численность русского населения. Если в 1762 г. в Западной Сибири проживало 196 тыс. душ мужского пола, то к 1782 г. эта цифра увеличилась до 291 тыс., а к 1795 г. – до 344 тыс. При этом наблюдается постепенное смещение основной массы земледельческого населения к югу, к границе. За 20 лет прошедших между III и IV ревизиями число хлебопашцев в южных районах Тобольского наместничества выросло на 144,1 %, в то время как в более северных районах – лишь на 118,9 %. В 1781 г. в шести южных округах сосредоточивалось более 60 % всего земледельческого населения [20]. Численность населения в этих уездах значительно превышала норму в 20–30 тыс. душ, также как и численность наместничества в целом [21]. С освоением новых земель, которые теперь находились в относительной безопасности, возрастает и средний надел пашни на душу земледельческого населения. На территории Колыванской губернии к концу века на одного хлебопашца в среднем приходилось 3 десятины земли [22].

Линии укреплений, сократившие территорию, которую казахи и другие кочевые народы могли использовать в качестве пастбищ, способствовали модернизации этих обществ. Начинается процесс оседания казахов. В 1788 г. некоторые султаны и старшины Среднего Жуза «изъявляют желание к переселению из дальних степей во внутреннюю Российскую сторону». В результате они получают такое позволение и расселяются на российской территории, но на отдаленном расстоянии друг от друга [23]. Продолжаются попытки христианизации соседних народов. Начальнику Сибирской линии выделяются деньги для оплаты «за выбегающих для крещения от Киргис-Кайсак пленников».

Предписывается «давать... в подарок знатым из Киргис-Кайсаков, от которых требовании будут о возвращении оных, от 20 до 25 рублей пристойными вещьми, и чтоб те пленники с надлежащим снабдением с границ отправляемы были» [24].

Под защитой укрепленных линий и сибирских полков продолжает развиваться горно-металлургическая промышленность. В 1774–1775 гг. в верховьях Алея был построен Алейский сереброплавильный завод. В 1783 г. также на Алее был построен Локтевский медеплавильный завод, который также стал по преимуществу сереброплавильным [20]. В 1784 г. открыт Бухтарминский медный рудник, а в 1791 г. – Зыряновский серебряный [25]. Наиболее удачными для сибирской металлургии были 1770-е гг. [20].

К концу века обстановка на южных рубежах стабилизировалась. Необходимость содержать такие большие силы в Сибири отпала. В 1796 г. Екатерина II предполагала большую часть полков расформировать, а солдат причислить к сословию крепостных крестьян и расселить по прилинейным землям [26]. Сибирские части в этот период полностью выполнили свою задачу. Население Сибири значительно возросло, угроза кабинетским владениям практически исчезла. Казахи, теснимые Российской империей с помощью цепи укреплений, были вынуждены постепенно интегрироваться в российское общество.

С вступлением в 1796 г. на престол Павла I началась военная реформа. Преобразования, проводимые в российской армии, затронули и Сибирский корпус. Он был преобразован в Сибирскую инспекцию, представлявшую собой окружной орган военного управления. Был сформирован ряд мушкетерских полков. В феврале 1808 г. Сибирская инспекция была преобразована в дивизию. В 1808 и 1810 гг. все полки дивизии, в связи со сложной внешнеполитической ситуацией, были выведены в европейскую часть России и приняли участие в Отечественной войне 1812 г.

1. Чимиторджиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв.: «Торгутский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989. С. 50–67.

2. ИАОО (Исторический арх. Омской области). Ф. 366. Оп. 1. Д. 72. Л. 54-71.
3. ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 774.
4. РГАДА (Российский гос. арх. древних актов). Ф. 24. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.
5. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Л. 4-22а.
6. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 627. Л. 19-54, 238-273, 378.
7. РГВИА (Российский гос. военно-исторический арх.). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1236. Л. 38, 39об., 163, 204, 204об.
8. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В.В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 93, 103-107.
9. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии Сытина»: в 3 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 97.
10. Мамсик Т.С. Американская революция и аграрные преобразования в Сибири конца XVIII в. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1999. С. 31-34.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1832. Т. 21. № 15733.
12. ПСЗРИ. СПб., 1832. Т. 20. № 14562.
13. Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.
14. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): монография: в 2 т. Омск, 2001. Т. 1. С. 100, 118.
15. РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 399. Л. 1.
16. Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул, 2005. С. 18-21.
17. РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 1824. Л. 1-4об.
18. Керсновский А.А. История русской армии: 1700–1881. Смоленск, 2004. С. 121.
19. Тимонин Е.И. История Сибири. Сибирское казачество и его войско XVII–XIX вв.: лекция для студентов всех специальностей. Омск, 2006. С. 29.
20. История Сибири: в 5 т. Л., 1968. Т. 2. С. 184, 192-193, 234, 235.
21. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. / сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск, 2005. С. 114.
22. ГААК (Гос. арх. Алтайского края). Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 305-374.
23. ПСЗРИ. Т. 22. № 16686.
24. ПСЗРИ. Т. 20. № 14489.
25. Куприянова И.В. 200 лет со дня Указа Екатерины II о заселении территории между Усть-Каменогорском и Зыряновским рудником // Страницы истории Алтая. Барнаул, 1995. С. 49.
26. Исупов С.Ю. Бийск: острог, крепость, город. Бийск, 1999. С. 87-89.

Поступила в редакцию 19.05.2010 г.

UDC 94(571).066

THE ROLE OF SIBERIAN CORPUS IN SUPPLY OF MILITARY SECURITY AND RESEARCH OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Stanislav Valeryevich Andreychuk, Altay State Technical University named after I.I. Polzunov, Barnaul, Russia, Post-graduate Student of Advertisement and Culturology Department, e-mail: panistan@mail.ru

The article, based on central and regional archives, covers the little-studied body of the state power in Western Siberia in the last third of the 18th century – the Siberian corpus. Created in 1745, the corpus fulfilled wide reference that did not come to military commissions only. Under the protection of the Siberian troops the active agricultural and industrial development of the southern frontier of the Western Siberia occurred.

Key words: Siberia; Siberian corpus; light field brigades; garrison battalions; dragoon regiments; E. Pugachyov; agricultural development; mines and plants.